

Этнонимы и антропонимы, несомненно, связаны между собою. Однако эта связь представляется такой сложной и запутанной, что на сегодняшний день нет ни одного сколько-нибудь развернутого предложения по реконструкции их причинной или функциональной взаимосвязи. Например, далеко не всякий специалист сможет вразумительно объяснить, почему в западославянских и большинстве южнославянских языков этнонимы считаются собственными именами (и соответственно пишутся с прописной буквы: Polak, Rus, Cech), а в болгарском и восточнославянских языках их относят к апеллятивам и соответственно пишут со строчной буквы: поляк, русский, чех.

Вообще, согласно А.Г. Кузьмину, личные имена напрямую никак не указывают на этнос. Однако же изучение косвенной (исторической) корреляции между глобальной эволюцией этносов (род-племя – народность – племя) и эпохальными сдвигами в системах именаречения могло бы прояснить некоторые важные аспекты как онто-, так и ономогенеза. При этом хорошей методологической базой анализа эволюции национальных именословов может послужить общесоциологическое рассмотрение индивидуального «Я» в качестве средоточения различных «мы», всегда сопричастствующих в «Я» и конкурирующих друг с другом. Индивидуальное «Я» выступает как центр «ромашки», то есть место взаимного перекрещивания самых разнообразных «лепестков»-группоцентризмов.

Основная гипотеза, вытекающая из такого рассмотрения, состоит в утверждении, что главная линия развития личного имени в общем и целом совпадает с основной тенденцией эволюции базовой связи «Я-мы»: от «Я-ромашки» с центром вне «Я» (с центрацией в одном или нескольких «мы») – к «Я-ромашке» с центрированием в индивидуальном «Я». Естественно, на каждом этапе взаимной коэволюции «Я» и «мы» господствует свой собственный тип личности, особый вид этноса и специфический, то есть конкретно-исторический способ связи «Я-мы». К примеру, отчество, которое очень долго отсутствовало в структуре личного русского имени, появляется синхронно Отечеству, которое, в свою очередь, обозначилось в структуре русского этнического сознания лишь в эпоху формирования русской нации («Отчизна» отделена от «отчины» и «вотчины» целыми столетиями).

Итак, имя в любой традиционной культуре, с одной стороны, всегда связано с индивидуальной судьбой человека. С другой стороны, – каким бы индивидуальным ни казался выбор личного имени, он всегда социально детерминирован (количественным набором всегда готовых имен, модой, традицией, «исторической перспективой» имени и т.п.). Имя, как

* Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 97-03-04109).

«зеркало культуры народа» (В.Н.Топоров), изначально обладает двойственной природой: указывает на личное, но отсылает к общественному. Факт наличия целых культурно отделенных друг от друга, гетерогенных пластов имен в именословниках различных народов свидетельствует о жесткой зависимости именаречения от конкретно-исторической системы родства, социальной организации, типа и вида религии и других этносоставляющих.

Христианство, последовательно искоренявшее язычество на Руси, само приживалось здесь долго и мучительно. Забывалось старое, но мало понималось и новое. Недаром автору «Алфавита» (XVI в.) пришлось обмолвиться: «Нам, словеном, неудобь-ведомы нынешние свои имена, еже что толкуется Андрей, что Василий или Данило». Поэтому о первоначальных славянских именах и «технике» их использования приходится размышлять, используя метод аналогии.

Так, аборигены Австралии (по Я.В. Чеснову и др.), повествуя о себе, неизменно начинают говорить о своей общине и месте ее обитания. При этом самыми ранними самоназваниями, а значит, и личными наименованиями, вероятно, были слова в значении «люди», «человек» («ненэць», «Thiuda» и др.), которые постепенно стали расширять свое содержание за счет дополнительных смыслов, а затем и специальных терминов типа «мужчина», «муж», «свободный» и т.п. Очень долго в родо-племенном обществе индивиду приходилось говорить о себе лишь только как о частичке какой-либо (родовой, семейной, тотемной, половозрастной) «мы»-общности. Дожившее до современности имя «Wolfgang» (нем. – «бегущий волк») отсылает нас к эпохе господства тотемного группоцентризма. По наблюдениям Л.Г. Моргана, дети ирокезов племени сенека, родившиеся в роде Ястреба, получали имена Длинного крыла, Белоглазой птицы и т.п. На уровне фратрии и племени были свои наименования, которые в тенденции начинали выходить за пределы кровнородственных связей. Рядом с родо-племенными родословиями уже готовы были расцвести генеалогии племенной аристократии.

В первобытно-общинном обществе собственно личных имен нет, есть индивидуализирующие клички. По свидетельству древнего азбуковника «Первых родов и времен человеци...до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец или мать отрочати изволят: или от взора и естества, или от вещи, или от притчи» (Кругляк, Волос, Собота, Жирнос, Кисель, Некрас, Угрюм, Ждан, Неждан, Любим, Нелюбим и др.). Все перечисленные имена взяты из источников XIV – XVI вв., то есть времени по прошествии полтысячелетия после принятия христианства: языческий порядок именаречения продолжает действовать, хотя «источников» имен стало гораздо больше – профессии (Поп, Быкодер, Кожемяка), этнос (Турчин, Черемис, Мордвин, Татарин) и пр.

Известно, что в родо-племенных общностях стержнем социальной структуры является половозрастное деление. Например, у тех же аборигенов Австралии насчитывается до 6-8 возрастных категорий, каждой из которых соответствует свой термин. Переходы из одной категории в другую несут с собой изменения в

социальном статусе, а некоторые из них (особенно при инициациях-«перерождениях») сопровождаются наречением новым индивидуальным именем. Что касается половой стратификации, то можно вспомнить пример из жизни Римской Империи. Здесь женщины не знали личных имен, а именовались по родовой принадлежности: Юлия – из рода Юлиев, Корнелия – из рода Корнелиев и т.д. Если требовалось внутрисемейное различие девочек, то именовались по порядку рождения (Майора, Терция), как это будет потом повсеместно практиковаться в русских крестьянских семьях и уже независимо от полового деления (Первушка, Третьяк). Скорее всего, «женский вопрос» в Древней Руси решался подобным образом, ибо в первых летописях мы встречаем именованья или по отцу («Ярославна»), или по мужу («Глебовая»).

В до- и раннегосударственном обществе обращение к соплеменнику осуществлялось в терминах родства: «отец», «мать», «дед», «дядя», «сын», «дочь», «внук», «свояк», «шурин» и т.д. Поэтому сохранившееся богатство славянской речи по обозначению степеней родства надо рассматривать как явное свидетельство бедности первоначального набора личных имен. Недаром в «Указателе святых православной церкви», являвшимся в дореволюционной России основным «поставщиком» имен, было, по подсчетам И. Кулишера, всего 681 имя, тогда как еврейский именослов насчитывает 3-4 тысячи имен, а германский – около семи тысяч. В рамках древнерусской народности развитие именослова очень долго будет сдерживаться именно прочностью общинно-родственных связей (косвенно – нерасположенностью восточных славян к мистике личного имени). Даже в позднем средневековье наблюдается родовое воспроизводство одних и тех же имен (от деда к внуку): Василий Иванович – Иван Васильевич (у последних Рюриковичей).

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что древнейшие имена, основывавшиеся на поглощении индивидуального «Я» общинными («мы»), подразделялись, как минимум, на три взаимосвязанные группы (с тенденцией выделения индивидуального из общественного по мере стратификации и иерархизации последнего):

1. Простое калькирование родо-племенных названий (Род, Тудор, Ятвяг и др.).

2. Обозначение воинских доблестей, высших профессиональных умений и т.д. (Храбр и т.п.). Здесь имена уже указывают на индивидуальные особенности личности, но они являются и социально значимыми. Индивидуальное как высшее проявление общественного. Например, лучший в своей сфере деятельности получал отдельное звание (внесемейное имя).

3. Наименование психофизиологических индивидуальных особенностей (Добрыня, Гордята, Вышата и т.п.), функционировавшее, как правило, в рамках семьи.

Итак, налицо процесс индивидуализации имени. В ходе дальнейшей трансформации социальной структуры и типа этнической общности изменяется и структура личного имени. Воспользуемся примером Л.В.Успенского. Многочленное имя одного из знаменитых людей Античности – Публий

Корнелий Сципион Африканский, где первое является личным именем, второе – родовым наименованием, третье – семейным прозвищем, а четвертое свидетельствует об общественном признании. Многочисленные аналоги подобной структуры личного имени мы застаем у средневековых князей Руси: Владимир Святой (Красное Солнышко), Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо и пр. Убедительным свидетельством эмансипации «верхов» от массы огосударствляемых кривичей, вятичей, дреговичей и т.д. служит массовое распространение среди древнерусской верхушки таких имен, как Владимир, Всеволод, Ростислав, Святополк.

Из переломных IX-X веков исторические источники (договор с греками и др.) донесли до нас около 100 древнерусских имен. Причем многие антропонимы (впрочем, как и теонимы, топонимы, гидронимы этого времени) свидетельствуют о полиэтничном составе верхушки складывающегося Древнерусского государства. Наряду со славянскими именами здесь встречаются кельтские – Люд, Блуд, Буды; иллирийские – Дир, Тур, Боричь; балтские – Улеб; иранские – Халег; скандинавские – Игорь (Инг-вар) и т.д. Позже большинство из них канет в Лету, так как с укреплением христианства найдут распространение совсем иные имена. Вероятно, в это время уже практически не употреблялись старые имена племенной верхушки.

Вообще, первые известные славянские имена относятся к VI-VII вв. По греческим и готским источникам это, в основном, двучленные имена вождей со вторым компонентом «-гаст» (господин) и «-мир» (мир, человек, мужчина): Ардегаст, Оногаст, Келогаст, Пирогаст, Межамир; а также «-буд»: Дорогобуд; «-бор»: Ратибор; «-нег»: Славонег, Радонег, Миронег. Анты, судя по именам собственным (Доброгост, Целегост, Мезамир, Бож), говорили на языке, очень близком древнерусскому. Аналогичные имена (с социально-политическим оттенком: «тап», «нег») распространены в это время у франков, кельтов и других народов.

Первоначальное древнерусское имя – как символ того круга, к которому принадлежал индивид, – как раз и отсылает к общеславянской и даже праславянской культуре (слова с элементом «-gast», «-mir», «-slav» и т.д.). Согласно разысканиям специалистов (В.Н. Топоров и др.), в источниках по периоду с VIII по X вв. встречается около 40 упоминаний имен с «-mir», а в XI-XIV вв. таковых уже несколько сотен. При этом важным представляется следующее наблюдение: в древнерусском государстве имена с «-mir» немногочисленны (по сравнению с другими славянскими территориями), характерны исключительно для высших слоев населения древнерусского общества, практически все они наполнены активным внутренним содержанием: Влади-мир, Власти-мир, Бори-мир, Хвали-мир, Суди-мир, Твори-мир и т.д. Налицо мировоззренческий переворот: теперь не индивид подчинен и растворен в мире, но мир изменяется благодаря и в соответствии с волей к действиям отдельной личности. Когда верхушка окончательно выделится и отделится от родовой общины, тогда возникнут совершенно новые мифы – в них уже не имя будет зависеть от рода, а, наоборот, род будут

производить от имени родоначальника, культурного героя, вождя: Крив – кривичи, Лех – ляхи, Чех – чехи, Вятко – вятичи.

То же самое можно сказать и в отношении имен на «-слав». В «Повести временных лет» (1133) из 190 упомянутых имен – целых 103 с элементом «-слав». Среди них много имен-титолов: Святослав, Борислав и др., которым, кстати, соответствуют греческие имена на «-кл» («слава») – Патрокл («Слава отца»), Перикл (Повсюду славный = Всеслав). Для примера достаточно перечислить имена детей Владимира Святославича (980 – 1015): Ярослав, Изяслав, Святослав, Судислав, Мстислав, Вышеслав, Станислав, Предислава, Прямислава, Мария.

Для последующего анализа необходимо привести небольшие подсчеты. В совокупном «генеалогическом древе» семнадцати основных русских родов (862 – 1917) насчитывается немногим менее 900 человек (среди них 75 великих князей и царей). Как отмечалось ранее, в IX – XI вв. абсолютно преобладали имена с основой на «-слав». В XII в. – при преобладании «-слав» (свыше 60 случаев) – появляются многочисленные случаи других имен – Владимир (около 20 имен), Михаил и имена с элементом «-полк» (и то, и другое – свыше 10 раз) и др. В XIII – XV вв. последние настолько увеличиваются в своем совокупном количестве, что начинают отодвигать имена на «-слав» на задний план. В XVI в. (рубежном: Рюриковичи «готовятся» уступить место Романовым, народность начинает трансформироваться в нацию и т.п.) на передний план выдвигаются такие имена, как Иван (Иоани) и Василий (свыше 10 представителей высшего правящего класса).

В этом калейдоскопе аристократических имен скрыт механизм наследования имен в высшем сословии Древней Руси, и для его описания необходимо, как минимум, вскрыть причины исторической смены сословных именословов. Попробуем взглянуть в одну из эпох кардинальной смены русских имен.

С появлением и распространением христианства на Руси к обычному (домашнему, языческому) имени стали добавлять христианское: Василий – у Владимира Святославича, Георгий – у Ярослава Мудрого и т.п. Автор Ипатьевской летописи писал: «И нарекоша ей имя: во святом крещении Полагия. А княже – Сбыслава». Оба имени долгое время сопутствовали друг другу. «Настоящее» имя, даваемое при крещении по святам, не могло вытеснить имена-клички (Иван – Волк Курицын) вплоть до XVII века. Что касается простонародной среды, то один из героев И.С.Тургенева свидетельствует: «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу – Блоха!...» Вообще в дореволюционной деревне почти каждый крестьянин, кроме имени-отчества и патронимической полуфамилии, продолжал носить еще и прозвище (уважительное, злое, ласкательное и т.п.) как отражение и выражение личностных свойств.

Со временем «крестные» (в основном еврейские, греческие, древнеримские) имена стали занимать ведущие позиции. По подсчетам Н. Мирошкина, в середине XIX в. на каждые 12 русских имен приходилось 1000 иностранных.

Даже в современном «Словаре русских личных имен» Н.А. Петровского из 2577 приводимых имен – 85% греческого, латинского и древнееврейского происхождения. Конечно, с формированием, укреплением и обострением национального чувства у славян России, как и везде в подобных условиях, возникает мода на древние имена. Но кардинальный факт состоит в том, что христианские имена, однажды вытеснившие старославянские, стали восприниматься как истинно национальные имена. Так, еврейское «Иоканаана» (восточнославянский аналог Бог-дан) превратилось в греческое «Иоанн», а затем переросло в русское «Иван». В конце концов «русский Иван», как и английский «Джон Буль» (французский Жан и т.д.), превращается ни много, ни мало в общенациональный символ русского народа.

Пример другого имени-символа указывает на механизм возведения тех или иных имен в общенациональный ранг: имя «Георгий» – в сочетании с сопроводительно-комментирующими словами «Победоносец», «земледелец», «мученик» (в буквальном переводе с греческого – «землетруженик», «землеразработчик») – идейно и психологически было принято как «верхами», так и «низами», поэтому и доросло до уровня государственной символики.

В полную структуру современного личного имени русского человека, кроме собственного имени, входят также отчество и фамилия, которые имеют свою долгую историю становления и развития. У многих народов отчество отсутствует до сих пор, а у русских оно появилось и закрепилось не ранее XVII-XVIII вв. (да и то только у «верхов»). К тому же отчество повсеместно распространяется позже фамилий. Все это требует своего объяснения.

Имя указывает на индивида, отчество – на его родителя, а фамилия – на них обоих (вместе с ближайшими родственниками). Фамилия выступает в качестве общего имени членов семьи, которое наследуется далее двух поколений. Кстати, до поры до времени в родовой общине такая структура личного имени просто невозможна. Например, в том же княжеском роду псевдофамилия (Рюриковичи, Гедиминовичи и т.д.) на всех одна, ее не с чем сравнивать, поэтому она не является настоящей фамилией (квазифамилия связана не с семьей, а с родом). В целом, общественная функция у имени, отчества и фамилии, по сути, одна и та же (так, окончание «-вич» стало формообразующим компонентом как для отчества, так и для фамилии). Однако объект обозначения у них разный. Поэтому индивидуальное «Я» как сложное переплетение многих «мы» может ограничиваться одним-единственным именем (в случае невыделенности из группы или незначительности масштаба личности для жизни группы), а может раскрашиваться практически бесконечными специализирующими приложениями (Великий князь – Владимир – Святославич – Святой – Красное Солнышко – Рюрикович). Все зависит от социальной структуры сообщества (иерархии многообразных «мы») и места (социального статуса, исторической роли и т.д.) данного индивида в нем.

Обычным способом образования отчества является указание на то, что «некто» является сыном такого-то отца: «Чей?» – Иван-ов, Петр-ов, Василь-ев

и т.д. Во всем мире широко распространены патронимические суффиксы и приставки: -ян, -швили, -сон, -с, -оглы, О'-, Мак-, Бен- и др. Русское окончание «-ов» стало настолько синонимичным русским фамилиям, что в языке коми-зырян превратилось в самостоятельное слово, обозначающее фамилию вообще.

Пока русский менталитет предпочитал более задаваться вопросом «Чьих?» (Петровых, Савиных и под. — весьма распространенные фамилии на Севере страны), а не «Чей?», до тех пор отчество и фамилия не могли приобрести свое законченное оформление и отпочковаться друг от друга. Пока государство предпочитало при налогообложении иметь дело с общиной в целом, до тех пор не наблюдалось острой потребности в индивидуальной фамилии (имени, отчестве). Но как только центр тяжести окончательно переместился от родового (общинного, сословного) начала к индивидуальному и общегосударственному, прошлые наименования типа «Николай Степанов Степанов» и «Алеша Попович» перестали соответствовать запросам действительности.

На протяжении всего средневековья (пока не сложилось централизованное государство и не развернулись процессы складывания русской нации) фамилия и отчество как таковые отсутствуют на Руси. Вот запись из «Дворовой тетради» (середина XVI в.): «Семен да Василий Андреевы дети Белкины». Здесь перечислены три поколения одной семьи, но нет еще отчества и нет сквозной фамилии. Лишь в XVI-XVII вв. у русских складывается единая трехчленная система личного наименования (Ф.И.О.) — сначала у высших слоев населения («воевода офанасий иванович нестеров», но — «подъячий михаил постников»), а затем постепенно у всех остальных. С введением Петром I паспортов и более строгого государственного учета населения все горожане и значительная часть крестьян (черносошные) получили фамилии. Крепостные до отмены крепостного права обходились без них.

.....
Михайлова Людмила Яковлевна — старший преподаватель кафедры «Политология и социология» УлГТУ. Окончила Кишиневский государственный университет. Имеет публикации в области политологии и социальной психологии.